

ПЕТР ВИКЕНТЬЕВИЧ САДОВСКИЙ

**О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ
БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)**

С точки зрения соотношения рационального и эмоционального в языке всякая национальная художественная терминология вообще и названия объектов художественного творчества в частности существенным образом отличаются от той части терминологической номенклатуры, которую можно условно объединить под названием «научно-техническая терминология». Хотя в научно-технической терминологии каждого языка — пусть даже при известной ограниченности сфер его употребления — всегда можно выделить значительную часть наименований, несущих на себе признаки национального «духовного ландшафта» и языкового мышления, однако в своей основе опирающихся на функционально-семантический принцип, т. е. приближающихся к некоему среднему «наднациональному» образу. Упрощенно такое положение вещей именуют интернационализацией терминологии.

С точки зрения внутренней формы (в духе Гумбольдта, Потебни, Вайсгербера) терминология одних языков может быть в целом более «образной» или более «функциональной» по отношению к другим языкам. Напр., даже беглый взгляд на термины немецкой классической философии (которые, к слову, были скалькированы большинством европейских языков) и на ключевые понятия философии французского экзистенциализма позволяет отметить, что первой — по выражению одного французского философа-публициста — больше присущ принцип «незыблемого функционализма», чем «эфемерной образности», которая пронизывает вторую. Пусть в этих выражениях есть известная доля преувеличения, однако они отражают ту бесспорную истину, что всякие гуманитарные определения и термины, приближающие нас к вечной загадке человеческой сущности, всегда более расплывчаты и неопределенны, чем понятия, раскрывающие сущность материального мира и его причинно-следственных связей.

Более того, использование одних и тех же источников духовной культуры в разных культурно-языковых традициях может дать различную стилистически образную картину национального языка. Напр., ни у кого не может вызывать сомнения факт, что лютеровский перевод библии на

немецкий язык более приземленный, более «функциональный» по сравнению с церковно-славянским вариантом, характеризующимся большей возвышенностью, пышной образностью, витиеватостью и велеречивостью.

В условиях билингвизма (не только близкородственного — применительно к советскому национально-русскому двуязычию) и НТР имеет место большее или меньшее разграничение сфер функционирования национальных языков и языка-посредника. Вводя новые термины на родном языке под давлением фактора социальной престижности, создатели терминологии часто прибегают к приему калькированного перевода с полным повторением заимствуемой семантики, образа и морфологической структуры соответствующей лексемы. В ситуациях смешанного билингвизма, что нередко наблюдается, напр., при белорусско-русском двуязычии, носители заимствующего языка не всегда осознают системную принадлежность соответствующих элементов терминологической номинативной единицы, что ведет к массовой интерференции в сферах преимущественного функционирования языка-посредника. При этом из сознания носителя языка постепенно вытесняется национальная специфика словообразования, синтаксических связей и морфологических отношений.

В области научно-технической терминологии для избежания возможного нарушения системных отношений в языке-реципиенте вместо калькированного перевода с близкородственного языка-посредника можно использовать семантико-морфологические модели неродственных языков, в которых соответствующий термин выражен словом, отражающим сущность данного понятия, его функциональный характер. Напр., в переводных русско-белорусских словарях русское *погрешность* (в сочетании *погрешность измерения*) передается искусственной калькой *хібнасць вымярэння*. Такой вариант данного термина представляется неприемлемым по ряду причин. Во-первых, вписываясь в общую семантико-лексическую систему белорусского языка, новоизобретенный термин приобретает дополнительный нетерминологический оттенок: некорректность измерения вообще, которая может быть вызвана, напр., нарушением технических условий процесса измерения и т. п. С другой стороны, в систему языка-реципиента вводится несвойственная ему словообразовательная модель: *существительное + формант-|н|асць*. Кстати, в последнее время слова, образованные по данной модели, показывают завидную агрессивность. Уже почти нормой стали выражения типа *дома повышенной этажности*, хотя адъективный компонент, от которого обычно образуется существительное с формантом *-ность*, встречается лишь в сложных словах (*двухэтажный*). Нельзя сказать отдельно *этажный* и образовывать от этого слова существительное по аналогии с нормативным *человечный* — *человечность*, бел. *людскі* — *людскасць*.

Если обратиться к другим европейским языкам с высокоразвитой функциональной терминологической номинацией, то можно найти про-

стой адекватный семантико-морфологический аналог в форме нем. *Meßfehler*, англ. *measuring error*, франц. *erreur de mesure* и т. д., что соответствует выражению (*допустимая*) *ошибка измерения*. В переводе на белорусский язык это будет звучать как (*допушчальная*) *памылка вымярэння*. Таким образом снимается «эмоциональность» номинации, устраняются системные нарушения в языке-реципиенте и, что весьма важно, термин больше интернационализуется, получая в качестве семантического стержня функциональный признак.

Нередко калькирование терминов с языка-посредника в случае заимствования его в свою очередь первым из других языков может привести к повторению ошибок, прокравшихся по различным причинам в русский перевод соответствующих иностранных терминов. Напр., в белорусской периодике и научной литературе широкое распространение получил неверно употреблявшийся во многих русских печатных изданиях литературно-театральный термин *эффект адчужэння* вместо правильного *эффект ачужэння*, который был даже первоначально включен в «Слоўнік I тома энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі» (Мінск, 1981, с. 12). А между тем русско-немецкий / немецко-русский «Словарь зрелищных искусств» (*Wörterbuch der darstellenden Künste/VEB Verlag Enzyklopädie.— Leipzig, 1976*) на с. 75 в русско-немецкой части дает такое толкование термина *отчуждение*: *отчуждение ср. 1. Entfremdung f. 2. falsche Übersetzung des Terminus Verfremdung, s. очуждение*. Как видно, авторы словарной статьи сочли необходимым выделить вторую позицию значения, сформулировав ее как «неправильный перевод термина *Verfremdung*» — *очуждение*. В свою очередь *очуждение* объясняется в словаре как брехтовское концептуальное «*Distanzierung vom konkreten Vorgang, die es dem Zuschauer ermöglicht, das Vorgeführte gesellschaftlich richtig zu verallgemeinern*». Безусловно, в белорусском языке можно было бы избежать подобной неточности, если бы перевод осуществлялся прямо с немецкого оригинала, без языка-посредника.

В условиях НТР и высокоразвитого билингвизма научно-техническая терминология и фразеология языка-посредника все шире проникает в образное мышление двуязычных носителей, смещает на эмоциональную периферию обыденные лексические единицы родного языка. Так, в радиорепортаже одного белорусского журналиста прозвучала фраза: «*На гэтым прадпрыемстве, вобразна кажучы, акумуляраваны найлепшыя дасягненні айчынай прамысловасці*». Как видно, слово *аккумулятировать*, которое обозначает не что иное как *собирать*, воспринимается говорящим как более образное и эффектное по сравнению с обычным «нетехническим» словом. Или другой пример. В издательском плане «Мастацкая літаратура» на 1983 г. встречается не одно название книги технизированного характера типа: «*Амплітуда смеласці*», «*Змена фазы*», «*Эстакада*» и т. д. Эти факты свидетельствуют о заметном влиянии «энтээровского» лексикона на художественно-образную систему языка.

В силу того, что в настоящее время сфера функционирования белорусского языка значительно уже по сравнению с областью употребления русского в условиях культурной городской среды, которая во все времена являлась мерилom культурно-языковой престижности, в белорусских номинациях традиционных произведений искусства наблюдается широкое заимствование русских названий даже с прозрачной небелорусской семантико-морфологической формой. Напр., 14-я соната-фантазия Бетховена, которой в языке-оригинале в свое время было присвоено название «*Mondscheinsonate*» (дословно: соната лунного света) фигурирует в белорусских программах радио и телевидения как «Лунная саната», хотя ее следовало бы называть «Саната месячнага святла» или просто «Месячная саната» по аналогии с *месячная ноч* (лунная ночь), так как слову *луна* в белорусском языке соответствует лексема *месяц*. Подобным образом персонаж переводной сказки *Золушка* (нем. *Aschenputtel*, *Aschenbrödel*) передается в белорусском чаще тем же словом, что и в русском. Лишь отдельные писатели (Короткевич, Брыль, Панизник) употребляют белорусские мотивированные названия *Папялушка* или *Капцюшка* от белорусского слова *попел*. Известная белорусским сказкам и такая фигура как *Искарка-Папяльга*, в основу которой положено слово *попел*. Приживается в современном белорусском языке и название оперетты Штрауса «*Flieidermaus*» как «Лятучая мыш», хотя по всем правилам должно было быть «*Кажан*».

Подобные примеры можно было бы продолжать.

Наблюдения за функционированием искусствоведческих терминов и названий произведений искусства в современном белорусском языке показывают, что адекватная культура языка науки и терминологии возможна лишь в тех областях, где национальная культура существует не только как атрибут национальной орнаментики, а как цельный саморазвивающийся организм.